

ШАМАНСКАЯ БОЛЕЗНЬ

18+

Кира Мурсак

Шаманская болезнь

<https://litres.ru/74622633>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Ателье колдовских колпаков».

В мире, где магия — не только чудо, но и оружие, юная волшебница Коко постигает искусство колдовства под крылом загадочного профессора Кифри. За его спокойной улыбкой и терпеливыми наставлениями прячется страшная тайна: на нём лежит проклятие. И Коко изо всех сил старается не дать этой тьме поглотить любимого учителя. Но Орден Шляпников готовит удар, и в центре их зловещих планов оказывается именно Коко. В яростной схватке Кифри жертвует собой. Опустошённая, но не сломленная, девочка стоит перед мучительным выбором. Остаться в мире колдунов или принять предложение шаманки Хельги? Ради шанса вернуть Кифри Коко решается на инициацию, которая навсегда изменит её природу и откроет двери в иные миры, где грань между светом и тьмой почти неразличима. Что будет, когда Кифри пробудится и увидит, как его ученицы, некогда сплочённые общей мечтой, теперь стоят по разные стороны баррикад, разрываемые обидами и недоверием?

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Кира Мурсак

Шаманская болезнь

Глава 1

Ателье Кифри всегда пахло сушёными травами, воском для свечей и той особенной, едва уловимой пылью, что танцует в косых лучах солнца, пробивающихся сквозь щели в ставнях. Пылинки кружились в воздухе медленными, почти ленивыми спиралями, будто не хотели покидать этот уютный полумрак. Для новоиспечённой волшебницы Коко этот запах давно заменил уют родного дома — он стал её тихой гаванью среди бурь учёбы и тревог.

Но в последние дни к этим привычным, почти родным ароматам примешался новый, горький, как полынь на пустырях поздней осенью, — запах тревоги. Он не врывается в помещение резкой волной, а просачивался исподволь, тихо и неотвратимо, и всегда веял от двери комнаты профессора Кифри. Он сочился из каждого угла, пропитывал пергаменты, оседал на кончиках перьев, заставляя их дрожать в пальцах учениц в те часы, когда беловолосый учитель замыкался в своей келье или оставлял их на попечение Олруджио.

Коко сидела за своим рабочим столом, оттачивая навыки черчения заклинания, которое ей оставил учитель, но перо

так и не коснулось листа. Чернила в чашечке подернулись плёнкой, как застоявшаяся вода в забытом пруду, и на их тусклой поверхности плясали слабые отсветы одинокой свечи. В этом мраке, пронизанном тенями, задумавшаяся Коко отчётливо видела в своём воображении отчаянного Кифри с заложенными и скованными руками за широкой спиной. На его лице никогда нельзя было угадать настоящих чувств: он казался высеченным из бледного мрамора — не живым человеком, а статуей, холодной и неподвижной, будто созданной, чтобы хранить чужие тайны.

Его седые волосы, появившиеся в столь раннем возрасте, обычно небрежно спадали на правый глаз, скрывая часть лица, словно профессор сам хотел укрыть от чужих взглядов то, что не предназначалось для посторонних. Однако однажды Коко, заглянув в комнату спящего профессора по очень любопытному поводу, нечаянно заметила скрытый за второй чёрной линзой его миниатюрных очков на переносице шрам и пустую глазницу, прикрытую веком. При тусклом лунном свете, который тонкими серебряными лезвиями прорезал темноту, шрам выглядел уродливее и глубже, чем прежде: тёмная трещина на фарфоровой коже была следом чьей-то жестокой прихоти и напоминанием о неизвестном происхождении учителя. А единственный лазурный глаз дрожал во сне под белёсыми ресницами от кошмаров, пока его грудь за чёрной водолазкой поверхностно и прерывисто вздымалась, будто ему не хватало воздуха даже во сне.

Коко, не решаясь зайти, пряталась за деревянной дверью с кованым кольцом ручки. Дерево было старым, шершавым на ощупь, и казалось, что оно хранит в себе шёпот всех разговоров, когда-либо прозвучавших в этом доме. Она боялась издать хоть малейший шум, чтобы не спугнуть хрупкий сон учителя, и в то же время ей отчаянно хотелось разбудить Кифри ото сна, из-за которого он морщился и сжимал одеяло заправленной кровати. Ведь часом ранее он рухнул на постель без сил и надежды отыскать след Шляпников, и эта усталость лежала на нём тяжёлым плащом, который никто не мог с него снять.

И тогда Коко, сжав губы в тонкую нить, тихонько закрыла тяжёлую дверь и начала искать зелёными очами что-нибудь, что было не жалко разбить. Её взгляд метался по комнате, цепляясь за глиняные горшки, за полки с банками, за старый шкаф, покрытый слоем пыли и заклинаниями, которые уже почти стёрлись от времени. В гостиной раздался грохот — резкий, оглушительный в ночной тишине. Он расколол сон Кифри, который всегда из-за своего волнения спал довольно чутко. Или же его вырвал из сна не грохот, а крик Коко. Его тело тут же вскочило с кровати, и он бросился к двери, распахнув её со всей силы. Дверь ударилась о стену с глухим стуком, и Кифри чуть не прихлопнул вышедшего на звук Олруджио.

Вздёрнутый, взъерошенный молодой человек с прядями чёлки, скрывавшими шрам, опомнился, когда чуть не столк-

нулся с другом, и схватился за глаз, будто проверяя, на месте ли он. Кифри на мгновение замер, потом вернулся в комнату и побежал вслед за Олруджио в гостиную, где посреди ночи Коко сымитировала плач. Она разбила все горшки в доме, сбила целый шкаф, намеренно испортила заклинание, прикрывая свою затею. Она хотела наколдовать поток воды в чайнике и переборщила с напором: вода ударила в полку, опрокинула тяжёлые сосуды, и те падали один за другим, издавая глухой, тяжёлый звук, от которого вздрагивали стены.

Кифри испугался — и больше всего за Коко. Он толкнул облегчённо вздохнувшего Олруджио за плечо, подбежал и склонил колено перед сидевшей на полу Коко в ночнушке. Он взялся за её ладони и лицо, проверяя, всё ли с ней в порядке, будто хотел убедиться, что она настоящая, а не видение, сотканное из теней и страхов.

— Ты не поранилась?! — спросил он, и в его голосе прозвучало столько тревоги, что она почти звенела, как натянутая струна.

Олруджио, поглаживая небрежную короткую бороду, хотел напомнить Кифри, что он не нянька, а колдовской наставник, но слова застряли у него в горле. Вместо этого он просто взялся за метлу и начал расставлять сосуды обратно на полку, стараясь не смотреть на эту сцену, будто если он не будет видеть, то и не придётся ничего чувствовать.

А Кифри тем временем притянул к себе хитрую девчонку, которая тут же обняла своего учителя за шею. Коко улы-

балась и клялась, что больше не будет обманывать Кифри. Он обнял совестно вздёрнувшую брови ученицу и поднял её одной рукой, а второй ласково провёл по спине, успокаивая и предлагая рассказать о причине, почему она не спит.

И, видя ласку и доброту учителя, Коко было больно осознавать, что он готов был победить все её кошмары своими сочинёнными сказками и выдуманнными на ходу забавными историями из практики, лишь бы она была спокойна. Он мог рассказывать о том, как однажды перепутал ингредиенты и вместо зелья невидимости получил зелье, окрашивающее всё вокруг в ярко-розовый цвет, или о том, как его самого в юности чуть не утащил болотный дух, приняв за редкий вид лягушки. Он умел превратить любой страх в смешную историю, и в этом была его тихая магия.

Однако об ужасах, что терзали его самого, Кифри никому не рассказывал. Они жили в нём, как тёмные птицы, что прячутся в глубине чердака и ждут своего часа, чтобы вырваться наружу. И Коко чувствовала это, даже если не могла назвать словами. Она знала: пока он защищает её от кошмаров, кто-то должен беречь его от собственных теней. Но пока она могла только прижиматься к нему крепче и обещать, что больше не будет его пугать. А он, в свою очередь, делал вид, что верит ей, — и в этой маленькой лжи было столько тепла, что его хватало на двоих.

Однажды профессор поведал Коко тайну своего проклятия — в тот вечер, когда после громкого сражения в горо-

де они остались наедине. Ателье, обычно наполненное тихим шелестом пергаментов и запахом воска, теперь казалось настороженно притихшим, будто само пространство прислушивалось к каждому слову. Кифри был тяжело ранен: его дыхание звучало как далёкий, неровный прибой, а в движениях сквозила та особая, горькая усталость, которая приходит не от долгого пути, а от тяжести, которую несёшь внутри. Он предвидел близкую смерть, но не хотел с ней соглашаться и уж тем более умирать вдали от своего ателье. Ему было важно смотреть на эти стены, на полки с банками и склянками, на тусклое золото корешков любимых книг — даже после того, как проклятие окончательно поглотит его.

Пока Коко, сбитая с толку, пыталась понять, о чём идёт речь, и боялась, что это лишь бред измученного учителя, Олруджио оставил их у полуразрушенных стен здания, где ветер гулял между трещин и выстукивал печальную мелодию по осколкам кирпича. В этой звенящей тишине Кифри снял очки, приподнял чёлку и показал ей шрам — тот самый, из которого, словно вопреки законам природы, прорезались серебристые листья и цветки древа. Тонкие прожилки на лепестках мерцали, будто в них застыло чужое, холодное сияние.

Коко была ошарашена. Она упала к ногам Кифри на колени, схватила его руку и сжала так крепко, словно хотела передать ему всю свою живую теплоту, всю силу своего юного сердца. Она сопротивлялась его наихудшим прогнозам не

словами — словами тут было не справиться, — а этим упрямым, почти отчаянным прикосновением. Кифри, обездвиженный болью и слабостью, не хотел, чтобы она его жалела. Он терпеть не мог жалость — она пахла пылью и прощанием. Поэтому он просто продолжал рассказывать правду о себе, доверяя её только Коко, потому что знал: она достойна того, чтобы знать. Она была из тех редких душ, что умеют хранить чужие тайны, не превращая их в оружие.

Он поведал ей, что когда-то был связан с шаманами, хотя толком и не помнил этого: память о тех днях рассыпалась, как старый пергамент, стоило только потянуть за край. Но обрывки воспоминаний приходили к нему в кошмарах: когтистые руки, ледяные столы в подземных лабораториях, где воздух был так холоден, что дыхание превращалось в иглы, впивающиеся в горло. Там они что-то лихорадочно искали в нём, проводя ритуалы и забирая энергию, потрошили его душу и тело, как часовщики разбирают тончайший механизм, чтобы найти в нём какую-то неведомую деталь. Но не нашли ничего, кроме его собственной воли — упрямой, неподатливой, звенящей, как натянутая струна. А потом, отчаявшись, подселили ему Семя и заперли в ящике, зарыв заживо в земле.

— Это проклятие питается чувством покоя, — хриплый голос Кифри звучал ровно, но Коко улавливала в нём ту самую натянутую струну, готовую лопнуть от малейшего прикосновения. — Корни ползут по венам, стебли обвивают ко-

сти, листья разворачиваются под кожей. Мне просто не дано быть счастливым. Поэтому я так рьяно хочу, чтобы вы с девочками были счастливыми рядом со мной. Я хочу отдать вам это чувство, так что живи и радуйся вместо меня, милая. Но никогда не отдавай своё счастье в чужие руки — это и есть твой дар, поняла, Коко?

Ученица с травянистыми волосами до плеч слушала, и ей казалось, что её сердце скребётся о рёбра, пытаясь вырваться из груди. Для неё это откровение перевернуло всё: её детское восхищение магией, её наивную веру в то, что волшебство — это только свет и чудеса. Теперь она видела, что магия рождает соперничество, становится причиной войн и страданий, нарушает баланс сил в мире. Но ещё она поняла, что не сама была виновата — виноваты были люди, которые брали в руки божественную науку и превращали её в оружие. Коко осознала, как она юна и наивна, как мало понимала человеческую природу. И в то же время она ясно увидела намерение Кифри: он хотел сохранить в ней веру в светлое волшебство, потому что именно эта вера была их спасением. Именно она позволяла им видеть в магии не проклятие, а истинное знание и потребность делиться светом и благом, веря в его чистоту. И Коко поклялась себе, что ни за что не подведёт его.

Кифри учил их — Коко, Агату, Риче и Тетию, — что магия — это надежда, свет и добро, это чувство радости и великодушия, которым необходимо делиться. Он нарушал го-

сударственные запреты, но делал это так тонко, что даже Башня мудрецов, пристально следившая за опасным и могущественным колдуном, не могла поймать его на горячем. Он разрешал помогать людям вне законов, но так, чтобы ни стражник, ни клиенты не становились свидетелями магии. Сам же Кифри жил в клетке ограничений: Башня не давала ему свободы, не давала права на радость. Каждая улыбка, каждый момент тихого счастья приближали его к гибели — медленной, неотвратимой, как наступление зимы. Поэтому он сознательно, не жалея себя, отдавался служению: передаче знаний, воспитанию учениц, тайной охоте на Шляпников, рискуя лишь своей жизнью.

И тогда для Коко пробил час начать свою тихую, отчаянную войну. Её фронт пролегал не в битвах, а в мелочах: она решила, что магия должна быть светлой и приносить счастье абсолютно всем, в том числе и Кифри. И если она пока была слаба, если не могла снять с него проклятие одним заклинанием, она могла хотя бы не давать ему застывать в тяжёлой тишине, не позволять покою, который был для него ядом, опускаться на его плечи.

Утром она нарочно опрокидывала чернильницу на его любимый фолиант — тот самый, с золотым тиснением на корешке, который он перечитывал в редкие минуты отдыха. Густая чёрная жидкость растекалась по странице, поглощая изящные строки, словно ночь, наступающая на рассвет.

— Ой! Простите, учитель! — восклицала Коко, но в её зе-

лѐных глазах с золотистым сиянием не было ни капли настоящего раскаяния — только озорной блеск, в котором пряталась надежда.

Кифри суетился, иногда прятал раздражение за резкими движениями, но потом лишь вздыхал и шутливо дразнил ученицу:

— Ну что с тобой делать, непоседа? Пойдѐм-ка лучше в городскую лавку — купим новые чернила да пряностей, чтобы хоть чай был с характером.

Днѐм, уже в городе, Коко «случайно» смешивала не те реактивы в лавке торговца вместе с его внуком, с которым она крепко дружила. Они тестировали магию, не думая о последствиях, и вскоре кладовку на полчаса заволокло едким малиновым дымом, от которого щипало глаза и першило в горле. Кифри, сидевший в мастерской со своим давним приятелем, стариком-кузнецом, прислушивался к тишине, а потом срывался с места и бежал по винтовой лестнице вниз, к шкодникам на складе. Закашливаясь и хмурясь, он вытаскивал детей, обхватывая их обеими руками, пока торговец распахивал окна, впуская свежий воздух. Коко, задыхаясь, но внутренне ликуя, наблюдала, как лицо учителя искажается недовольством. В эти мгновения она чувствовала: пусть он сердится, пусть ворчит — главное, что он здесь, живой, тёплый, настоящий.

Выслушивая замечания наставника, девчонка стояла, мялась и теребила мятый колпак на голове. А Кифри вдруг пре-

рывал речь, закатывал голубой глаз к стеклянному куполу лаборатории, где изнутри росло Серебряное дерево — то самое, из которого изготавливали волшебные чернила. Прощая Коко, он брал её за руку и вёл в самую известную трапезную города. Там он покупал ей на рынке разные украшения и милые безделушки, о которых она даже не просила. И ученица весело кружилась вокруг Кифри, примеряя обновки и разглядывая магические артефакты, которые вызывали у неё восторг и смех. Наставник не жалел одолженного у Олруджио кошелька на такие походы с Коко — и в этом была особая, тихая щедрость, которую она чувствовала кожей.

Вечером Коко взбиралась на спину Кифри и пользовалась учителем вместо волшебной скоростной метёлки. Она обхватывала его шею и вдыхала любимый аромат свежести и лунных цветов — тот самый запах, который появлялся, когда раскрывались ночью гортензии с голубоватым отцветом звёздного небосвода. Небо простиралось над ними, как на ладони, а под ногами будто расстиралось море из белых лепестков, вздымающихся от воздушной волны. Их ароматом пропитывались седые волосы учителя, когда он ненадолго опускался на поле, окружавшее ателье, — на бескрайней равнине вдали от других поселений, на холмах, где ветер был чище, а тишина — прозрачнее. Коко обожала наполнять этим запахом лёгкие, иногда чихая от резкости нот сандала и уда, и в этом чихе было столько жизни, что оно казалось маленьким бунтом против любого проклятия.

Она в шутку отпускала наставника, когда тот отвлекался и заговаривался о планах, что приготовить на ужин, если Олруджио обиделся и не оставил для них порцию в этот поздний час. Тогда она падала в мягкие цветы на низкой высоте, как в облако. Но Кифри тут же замечал пропажу на спине, ловко делал крюк, хватал за руки хохочущую Коко, изумрудные волосы которой подбрасывал тёплый ветер, и летел дальше, держа девчонку так, будто она ничего не весила. Он лучезарно улыбался, бросая взор вниз на босые ноги Коко, которая бежала по верхушкам плотно разросшихся цветов белоснежных гортензий и представляла себя феей в его руках. А потом он бережно ставил её на землю перед порогом ателье, и в этом жесте было столько заботы, что она могла бы унести её с собой, как светлячка в ладонях.

Риче и Тетия смотрели на неопрятный вид Коко с недоумением и спешили обратить внимание наставника на себя, будто боялись, что он забудет о них в этом вихре её проделок. Провожая всех к столу вместе с ворчливым Олруджио, который всё-таки соизволил оставить коллеге немного мяса и супа, Кифри незаметно оставлял в травянистых волосах ученицы маленький бутон гортензии — совсем недавно раскрывшийся, с салатовой сердцевинкой, такой же, как цвет волос Коко. Замечая этот тайный жест первой, Агата поджимала губы и отказывалась разделять ужин со всеми, несмотря на уговоры сияющего Кифри. В её тёмных аметистовых глазах читалось осуждение: ей казалось, что он тратит своё дра-

гоценное внимание на пустяки. Но Коко не обращала внимания. Она продолжала свой маленький саботаж, каждый раз изобретая новые способы нарушить покой учителя: то рассыпала соль на его чертежи, то замыкала раньше времени контур заклинания, то задавала самые нелепые вопросы в самый неподходящий момент. Это бесило собранную Агату, которая мечтала быть лучшей ученицей Кифри и терпеть не могла, когда он отвлекался на мелочи.

Но Коко делала это не из вредности. В её голове жила упрямая надежда: проклятие древа питается покоем, а значит, если она не даст Кифри застыть в тишине, если будет постоянно дёргать его, будоражить, заставлять реагировать, то корни, жадно тянущиеся к теплу и безмятежности, не найдут пищи. Ей казалось, что они втягиваются обратно, сворачиваются в тугие клубки, не находя желанной тишины. Она верила, что может продлить ему жизнь, став самой проблемной ученицей, самой большой занозой — и при этом всё равно стремиться соответствовать его высокому уровню, стать настоящей колдуньей, которая сумеет спасти и осчастливить всех.

А потом красочное лето сменилось увядающей осенью. Поля гортензий, которые ещё недавно казались бескрайним морем белых волн, увяли и превратились в торчащие прутья из засыпающей земли. Вскоре землю укрыл толстый снежный покров, и мир стал тише, холоднее, будто затаил дыхание. Но в ателье Кифри по-прежнему пахло травами, воском

и пылью, танцующей в косых лучах, — и пока этот запах жил, жила и надежда Коко.

Небо в тот день обрушилось на горы не просто дождём и снегом — оно рухнуло всей своей тяжестью, будто сам небосвод треснул, и из разлома хлынули грозовые и снеговые тучи. Они стелились по склонам, сливаясь с туманом, стирали очертания вершин и превращали знакомые тропы в ловушки из льда и тени. Ветер выл, словно раненый волк, мечаясь между скалами, срывая с вершин камни и швыряя их вниз — они катились по осыпям с глухим стуком, предвещая беду.

Этот вой смешивался с треском молний, бивших по голым камням и высекавших искры; казалось, сама гора стонала под натиском стихии. Бдительность людей не ослабла от усталости — её смыло яростным потоком холода и тьмы, и проведение важного экзамена сделалось невозможным. Учителя и ученики оказались отрезаны от мира в горном проходе, где не было ни укрытия, ни спасения: лишь ледяная крупа, секущая лица, да серый сумрак, стирающий границы между землёй и небом, будто мир сжался до узкой щели между скал.

Коко помнила каждую деталь того пути: как холод пробирался под бирюзовый плащ и впивался в кожу тысячами ледяных иголок; как ветер дёргал бежевую юбку с белым подъюбником, выворачивая ткань, точно пытаясь сорвать её; как пальцы немели и она сжимала кулаки, лишь бы не потерять ощущение собственного тела; как дыхание превращалось в

облачка пара и тут же уносилось ветром — словно даже её собственное тепло было не нужно этому враждебному миру.

Вместе с Риче, Тетией и Агатой она шла к пещере уже несколько часов — туда, куда направили учеников и учителей организаторы. Снег становился всё глубже, и каждый шаг давался как подвиг. Кифри нёс на спине выбившуюся из сил Риче и одновременно держал за руки Агату и Тетию, чтобы вести и тянуть их там, где снег доходил ему до пояса. Движения его были тяжёлыми, но неумолимыми: он не позволял себе остановиться, даже когда дыхание становилось хриплым, а плечи опускались от усталости. Коко шла позади, держа за руку Олруджио; тот шагал прямо за Кифри, прикрывая тыл и сканируя пространство насторожённым взглядом.

Ещё задолго до начала экзамена Кифри заподозрил помеху. Он чувал её, как зверь чует капкан: в чересчур гладких распоряжениях организаторов, в неестественной тишине перед бурей, в том, как стражники Башни мудрецов держались слишком прямо, будто ждали команды. Он знал, что Шляпники не упустят такого шанса, и потому не подпустил девочек к группам, которые вели стражники. Когда пещера обрушилась, замуровав наставников других школ, это лишь подтвердило его худшие опасения.

Слуги Башни мудрецов вступили в бой с вызванными теневыми сущностями посреди стужи. Лёд и тьма стали союзниками врага: тени скользили между снежных вихрей, и их

клыки щёлкали в опасной близости от лиц тех, кто мину-ту назад был наставником, а теперь стал жертвой. Кифри и Олруджио увели учениц от сражения обходным путём во-круг горы — по узкой тропе, где снег был глубже, а ветер — злее.

Коко видела, как голубоглазый наставник едва сдерживался, чтобы не сорваться в бой: она замечала, как сжимались его пальцы в кулаки, как в глазах вспыхивал холодный огонь, готовый вырваться наружу. Но сейчас важнее было защитить их — Риче, Тетию, Агату и её, Коко. Потому он гасил этот огонь, прятал его за маской спокойствия, которая, впрочем, трещала по швам от напряжения.

А потом всё пошло прахом. Остальные ученики других школ были обращены шаманами в дикие тени: они бросались с клыками на своих наставников, и в их движениях не осталась ничего человеческого — лишь слепая ярость и холод, проникающий до костей. Предвидя, что Шляпникам нужна именно Коко, Кифри попросил Олруджио увести остальных девочек на противоположный склон горы, а сам подхватил отстающую зеленоглазую ученицу левой рукой, отрываясь от погони, которую на их след пустил шаман.

Держа в покрасневших от мороза руках блокнот учителя, Коко замыкала круг, обороняя тыл, пока седовласый молодой человек обманывал траектории ударов Шляпника, с трудом отталкиваясь от проваливающихся сугробов. Его движения оставались резкими, экономными, выверенными года-

ми тренировок, но снег предательски замедлял каждый шаг, превращая опытного мага в человека, который заново учится ходить.

И тут грянул удар. Громадный огненный шар врезался в склон, превратив снег в пар и опалив камень горы. Воздух наполнился запахом озона и гнилой древесины; этот запах въедался в лёгкие и заставлял кашлять. Кифри сжал челюсти и молниеносно отбросил Коко в сторону — рискуя, что она поранится о камни, но спасая от прямого удара. Затем он начертил заклинание прямо из снега: растопил лёд и поднял водную завесу, словно знаменитый водный маг. Но взрывная и водная волна захлестнула и его самого, отбросив вниз по склону; молодой наставник прокатился по снегу, теряя ориентацию, но не теряя воли.

Силуэт, представший перед дрожавшей от страха юной волшебницей, был искажён маской с рунами и причудливыми полями шляпы. Алые бусы на шляпе позвякивали в такт зловещему шествию шаманки к жертве. Она ступала по снегу так, будто касалась наста лишь половиной стопы, и хруст снега под её ногами звучал, как хруст костей. За чёрной бесформенной мантией руки шаманки вертели посох, закидывая Кифри валунами, от которых он едва успевал уворачиваться, упрямо пытаясь подняться к Коко.

В её движениях сквозила странная, почти балетная элегантность: руки в бордовых перчатках до локтя изгибались, как ветви в лунном свете, а серые вязанные чулки выше колен

открывали женственную лодыжку — и этот контраст между хрупкостью и смертоносностью делал её ещё страшнее. Она не трогала девочку и не собиралась обращать Коко в теневую сущность зверя: это лишь подтверждало опасения Кифри. Шаманам нужна была Коко не как жертва, а как инструмент — вероятно, как неокрепший ум, полный любопытства и жажды освоить магию, которую шаманы могли использовать для своих целей.

Кифри вышел вперёд, заслонив собой ученицу. Его белый плащ развевался, как знамя, и в этом жесте было столько отчаянной решимости, что у Коко перехватило горло, а сердце забилося, где-то в горле, мешая дышать.

— Бегите! — крикнул он, не оборачиваясь.

Но Коко не побежала. Она будто выросла в снег, не в силах отвести взгляд от разворачивавшейся перед ней битвы. Она видела, как Кифри чертил круг в воздухе, и светящиеся линии складывались в сложный узор, пульсируя, как живые вены. Видела, как ледяные клинки Шляпников рассекали магическую защиту, разбивая её вдребезги, точно тонкое стекло, и осколки разлетались, сверкая в снежной пыли. Видела, как одно из заклинаний, извиваясь чёрной змеей, впилося ему в правое запястье: Кифри лишь поморщился, но не издал ни звука, только сплёвывал кровь изо рта, будто избавляясь от горечи поражения.

Он обратил неудобства снега в свою пользу: собрал влагу из воздуха и из снега, превратив её в острые камни, и напра-

вил их на врага. И вот он уже мчался на водяном драконе к шаманке, а Коко отбегала от угрожающей фигуры, подбирала пару вырванных из блокнота учителя листов с заклинаниями и пыталась использовать их против Шляпницы, вжимаясь в скалы от безысходности и понимая, что её силы ничтожны перед этой мощью.

Из-за завесы выюги водяной дракон неожиданно сбил шаманку, и та цыкнула девчонке: — Надоела, — и направила посох с торчащими гвоздями и рубином на Коко, воссоздавая из пустоты чёрные шипы.

Кифри, прыгнув с призванного элементарного существа, заслонил ученицу правой рукой. От силы вонзившихся снарядов он отшатнулся к скале, закрывая собой Коко, опустился вместе с ней и укрыл от воды за своим плащом. Дракон к тому времени из-за сломанной с глухим хрустом ведущей руки Кифри разбился о гору, потянув время и заставив чуть не захлебнувшуюся шаманку отхаркивать воду из лёгких.

— Учитель! Как вы?! — Коко схватилась за длинные рукава бежевой мантии; её пальцы дрожали, а глаза были расширены от ужаса. Она подняла голову на Кифри, который даже не вскрикнул от пронзившей его боли. Теперь он был выведен из боя, а для колдуна потерять руку, которая писала заклинания, означало неминуемое поражение.

— Всё хорошо, Коко. Тебе нужно спрятаться. Прodelай отверстие в горе заклинанием Риче и заслони вход на како-

е-то время. Не переживай за меня. Я же твой учитель, и это я беспокоюсь о тебе, поэтому будь послушной девочкой, — произнёс седовласый молодой человек, прижимая её голову к своему плечу. Он лишь вздрогнул, когда ведущая рука безвольно повисла плетью. Кровь залила снег алыми рубинами, эти рубины расползлись, растаяли, смешиваясь с рваными сугробами на краю крутой горы, будто сама земля плакала.

Кифри поднялся с колен, не позволяя себе сдаться. Он не мог обречь ученицу на те же пытки секты, которым поддался сам, будучи ещё ребёнком. Только не Коко.

— Я не дам им забрать тебя. Доверься мне, — произнёс наставник, приглаживая её травянистые, тонкие и шелковистые волосы. И Коко подумала, что, если Кифри ещё способен на ободряющие речи, значит, всё в порядке. Но она видела, что он не может вычертить заклинание сломанной рукой.

Тогда Кифри, поднявшись на ноги, открыл перо волшебной палочки зубами и начал чертить левой рукой заготовки, хотя каждое движение давалось ему как пытка. В этот момент к ним вернулась Шляпница, поднимая потерянный в снегу посох. Её бусы звенели, как погребальные колокольчики, предвещая конец.

Коко не решалась сдвинуться и потерять из виду наставника, но подоспевший Олруджио подхватил её и унёс в безопасную пещеру вместе с остальными девочками. Агата взяла на себя роль лидера и отбивалась от проникавших теневых тварей точными и эффективными заклинаниями. Толь-

ко Коко, оказавшись за спинами Тетии и Риче, не находила себе места. Её тело замерло, она почти не дышала, глядя в пустоту и на свои руки, на которых запеклась кровь учителя. Мысли её крутились вокруг одного: как он там, на поверхности? Она не должна была оставлять его одного. Ей казалось, что неминуемо произойдёт страшное событие, а наставник нуждается в помощи. Но на что они способны с девочками?

«На что способна я?» — отчаянно спросила себя Коко, и этот вопрос бился в её груди, как раненая птица.

Через пару мгновений гора содрогнулась. Сначала Коко подумала, что это лавина, и действительно, когда Агата откатила валун от входа в пещеру, им мешал снег. Но эта лавина была вызвана не природой — её породило нечто иное. Ученицы ателье, притаившись, убедились, что вокруг тихо, и выбежали толпой, ища учителей.

Первой Агата обнаружила Олруджио без сознания: он наполовину оказался погребён под толстым слоем снега. Риче и Тетия начали вытаскивать его; их обмороженные руки дрожали, но они не останавливались. А Коко, подошедшая самой последней, споткнулась о торчавший из-под снега корень дерева, и её тело пронзил ток, будто сама гора крикнула ей о надвигавшейся беде.

Подняв глаза на выступы горы, Коко увидела, как почти на самой вершине из-под снега, пробивая лёд, пробивались шипы и корни серебряного дерева. Они сплетались, росли, утолщались, образуя гигантский ствол серо-голубого оттен-

ка. Гора после прекращённого боя стонала вместе со стужей; камни сыпались и трескались от напряжения, и Коко, не думая ни о чём, кроме учителя, начала карабкаться наверх, к видневшейся верхушке дерева с серебристой листвой.

Она сбила дыхание, царапала ладони и колени о камни и лёд, не замечая боли. По её щекам стекали горькие слёзы и тут же замерзали на колючем ветру, превращаясь в ледяные бусины. Её стон от тяжёлого и крутого подъёма прорвался в истеричный крик: — Нет, нет, учитель, нет!

Взобравшись на ровный выступ горы, Коко потеряла дар речи. Плоть Кифри уже запутывалась, становясь корой: седые волосы обрастали серебристой листвой, а из глаз и раненой руки прорастали ветви, охватывая тело проклятого молодого человека, как удушающая змея. Но Коко всё ещё слышала и чувствовала, как стонали корни, как трескали ветви над мягким и тёплым телом, как где-то внутри дерева билось, затихая, человеческое сердце.

— Учитель, Кифри! Вы же слышите? Учитель, — прошептала Коко, подползая к подножию исполина, потому что ноги уже не слушались её, и она почти не ощущала их.

Кифри, наполовину вплавленный в ствол проклятого дерева, погружался в вечный сон, но вопль ученицы ещё удерживал его в сознании. Его тешила лишь мысль, что свои ветви он завещал мастеру по изготовлению чернил — хоть чем-то он станет полезным.

Коко бросилась к нему, разгребая снег голыми руками у

его ног и вырывая ветви вокруг его тела, не чувствуя, как кора резала её нежные руки. Она взяла его лицо в свои тёплые ладони, отвела пряди белых волос, которые уже стали жёсткими, как сухие ветви, и кололись о пальцы. Кора под её руками была шершавой, но местами — тёплой, почти горячей, как у живого человека.

— Прекрати, Коко, — выдохнул Кифри с лёгкой улыбкой. Его правый глаз навсегда закрылся, веко слиплось, будто его запечатали, но левый, лазурный, смотрел на неё с бесконечной нежностью. — Всё-таки не зря мы решили проводить экзамен в горах. Вид отсюда... прекрасный.

— Не говорите так! — взмолилась Коко, чувствуя, как слёзы замерзают на щеках. — Мы что-нибудь придумаем! Я приведу помощь! Господина Олруджио! Стражников! Кого-то из сильных магов!

Она обернулась, ища в надежде хоть одну живую душу, но никто не шёл за ней следом к проклятому дереву.

— Всё уже случилось, Коко, — прошелестел Кифри.

— Любоваться с высоты... на то, какие замечательные ученицы у меня выросли, — вот моя награда. Я горжусь вами. Вы защитили себя. Запомни и передай остальным, милая. Всё, что нужно, я уже отдал. Теперь вы сами вольны выбрать свой путь. Ты нужна людям, Коко. Продолжи нести свой свет во имя добра и мира. Пообещай мне, что твоя магия исцелит и осчастливит таких же мечтателей, как ты.

— Не могу, учитель Кифри, не могу! Без вас я не смогу

стать колдуньей! — слёзы градом катились по щекам зеленоглазой девчонки, падали на его лицо, оставляя дорожки на коре, и ей казалось, что она отдаёт ему свою жизнь капля за каплей.

Она держала его лицо и верила, что, если не отпустит, учитель не исчезнет. Что тепло её ладоней может остановить окоченение, что её слёзы могут размягчить кору, что её мольбы могут повернуть время вспять. Но он уже собирал последние искры своего угасающего сознания, как собирают угли в потухшем костре.

— Будь верна тому, что велит сердце, Коко. Только сердце — самый мудрый учитель, — произнёс Кифри и закрыл небесный глаз перед тем, как его лицо поглотила кручёная кора, а последний выдох превратился в свист ветра.

Коко сползла и скользнула вниз по необхватному стволу серебряного проклятого дерева и разревелась, как ребёнок, в последний раз отдавая своё горе этому равнодушному небу.

Её нашёл очнувшийся Олруджио вместе с девочками через четверть часа — они едва успели попрощаться с Кифри. Синеглазый брюнет, потрясённый потерей, не подавал вида при детях, хотя был готов издать горестный рёв. Он поднял Коко за руку с холодного снега, но его глаза смотрели прямо на окровавленную руку Кифри, которую охватывала кора, навсегда скрывая следы тела друга. Теперь здесь находилась могила, которую он выбрал сам. Шаманка воспользовалась заклинанием усиления, обманув колдуна стихии во-

ды: она сомкнула удар и прицелилась ему прямо в глаз, чтобы избавиться от того, кто так опекал желанную наследницу клана шаманов.

На горе возвышалось дерево, похожее на молчаливого стража. После того дня Коко казалось, будто Олруджио постарел на десять лет за одну секунду. Он совсем запустил себя и начал пропадать в кабаках, начиная с того самого вечера.

Олруджио, уводя учениц товарища, скрывал своё удручённое лицо за прямой чёлкой. Он долго о чём-то размышлял, идя по склону вниз, наблюдая вместе с девочками, как поля гортензий погружались под кристально чистую воду. Он знал, что шаманы не ошибаются. Знал, что их проклятие не снять. Кифри больше никогда не вернётся. Он сдался. Дерево останется памятником тому, кто отдал всё, чтобы спасти других.

— Трусливый эгоист, — процедил Олруджио, запиравшись в своей каморке в подвале, и растерянные девочки в гостиной слышали, как он разбивал все бутылки вина в своём погребе.

В ателье воцарилась гробовая тишина. Казалось, сам дом скорбел: ставни поскрипывали, как всхлипы, половицы стонали под ногами, а запах трав становился приторно-сладким, как на похоронах. Риче и Тетия, обнявшись, плакали в углу за столом, уткнувшись в ключицы друг друга, и их рыдания сливались в один протяжный звук, заполнявший пусто-

ту комнаты.

— Мы останемся, — тихо сказала Тетия, вытирая нос рукавом. — Это наш дом. Мы будем хранить его память. Помогать и обучать всех желающих прикоснуться к магии, продолжая учиться, даже без профессора Кифри.

Слёзы стекали по её щекам, но во взгляде теперь читалось что-то стальное — не ожесточение, а твёрдость, выкованная горем. Она словно дала себе клятву: не сломаться и не позволить тьме, что забрала Кифри, поглотить и их дом.

Агата стояла у окна, сжимая в руках свой колпак так, что костяшки побелели, а ткань едва не порвалась. Она не плакала. Её лицо походило на маску из холодного мрамора: бледное, неподвижное; лишь в глазах пылал сухой, испепеляющий огонь — смесь ненависти и горя, настолько яркая, что от неё хотелось отвести взгляд. Когда Коко вошла, Агата резко обернулась, и в этом движении было столько ярости, что воздух будто стал колючим, пронизанным невидимыми иглами гнева.

Она швырнула в Коко чернила — чёрные капли разлетелись и осели на лице и форме ученицы, словно тёмные слёзы. Это была не просто вспышка гнева: в этом жесте таилась горькая, жестокая метафора. Для Агаты эти чернила стали образом пролитой зря крови учителя, превращённой в ничтожный расходный материал. Короткие чёрные волосы Агаты разметались, извиваясь, как змеи, и в тот миг она походила на фурию, готовую разорвать всё, что причиняло

боль.

— Довольна?! — выплюнула она, и голос её резанул, словно лезвие по стеклу. — Это всё из-за тебя! Если бы ты пошла с нами, мы с Олруджио могли бы ему помочь! Кифри не полез бы в это пекло один! Он бы придумал, как объединить наши силы! Он был выдающимся магом! Я не понимаю! Ради чего учитель так старался? Почему он умер из-за такой бездарности, без статуса рода и имени, как ты?!

Каждое слово ударило наотмашь. Агата швырнула в Коко артефакты, которые Кифри когда-то дарил ей с тихой заботой: тяжёлый пергаментный свиток с заклинаниями, специально выписанный для Коко, ударил её в грудь, заставив пошатнуться и схватиться за рёбра. Но физическая боль была ничто по сравнению с той, что сжимала сердце. Коко не пыталась защититься, не поднимала рук, не отводила взгляда. Она принимала этот гнев, потому что в глубине души соглашалась с каждым обвинением.

— Ты никчёмная! Дрянь! Ты даже не попыталась защитить его! Если бы у тебя были мозги, ты бы сдалась Шляпникам, чтобы спасти Кифри! Пока ты стояла без дела, он пожертвовал собой!

Слова сыпались градом, и Коко стояла под ними, словно под ледяным ливнем, ощущая, как они впиваются в кожу, оставляя невидимые шрамы. Она мысленно кивала: Агата была права. Её наивная вера в чудеса не спасла учителя. Её слепая преданность оказалась бесполезной. Если бы она

сдалась раньше, если бы предложила себя в обмен, возможно, Кифри остался бы жив. Возможно, он вместе с Олруджио нашёл бы способ спасти её, как спасал всегда. Но теперь было поздно.

Ночью, когда все уснули, Коко сняла свой колпак. Она положила его на стол, аккуратно расправив поля, будто прощалась с частью самой себя. Рядом лежал набор для черчения: перья, пузырьки с чернилами, циркуль. Всё, что когда-то казалось ей священным, теперь выглядело чужим и ненужным. Она провела пальцами по ткани колпака, ощутив знакомую шероховатость, и из глаз снова потекли слёзы — тихие, беззвучные, обжигающие. Коко оставляла здесь не просто вещи — она оставляла прежнюю жизнь, свою мечту и веру в то, что магия всесильна, когда исход зависит лишь от решимости.

Убирая последнее перо, она вдруг замерла. В уголке футляра лежал маленький засушенный бутон гортензии — тот самый, который Кифри незаметно оставлял в её волосах после их прогулок. Салатовый оттенок сердцевины почти выцвел и пожелтел, но ещё угадывался. Коко поднесла бутон к губам, словно хотела удержать запах лета, и прошептала:

— Прости, учитель. Я не предаю то, чему ты меня учил. Обещаю.

Она спрятала бутон в карман платья, туда, где билось сердце, и надела поверх простой тёмный плащ — не ученический, а такой, в котором можно было идти по дорогам, по-

могать людям, оставаться незаметной.

На рассвете, когда первые лучи скользнули по крышам и заставили пыль в воздухе искриться, Коко тихо покинула ателье.

Дверь за её спиной тихо скрипнула — будто вздохнула в последний раз, прощаясь с тем, что было. А свеча на столе в гостиной ателье вдруг дрогнула, выпустила тонкую струйку чёрного дыма — и потухла. Мгновенная тьма на секунду обняла комнату, но очертания опустевших полок, стол с рассыпанными угольными крошками и едва заметными следами мела всё равно проступили — там, где ещё вчера Кифри чертил схемы заклинаний, пил чай и бормотал себе под нос рунические коды шаманов, изучая их и будто уговаривая линии лечь ровно, как укрощал бы диких зверей.

В уголке, на ржавом гвозде, всё ещё висел старый колпак Коко — потёртый по краям, с выцветшей лентой; он казался теперь не частью её жизни, а осколком прошлого, забытым и чужим, словно вещь, которую оставили в покинутом доме. Коко не обернулась: она боялась, что если снова увидит эти детали, то колени подкосятся, а слёзы, которые она так старательно сдерживала, хлынут потоком, смывая остатки решимости. Ей казалось, что стоит только взглянуть назад — и она рассыплется на тысячи ледяных осколков, которые зима тут же смешает со снегом и скроет от чужих глаз.

Тропинка, выложенная плоскими серыми камнями, уходила вниз, к цветочному полю — теперь уже не цветочному,

а занесённому снегом. Камни были холодными и гладкими, словно отполированными дождями и временем, но теперь их почти не было видно под тонким слоем наста, который хрустел под подошвами, как битое стекло, отзываясь на каждый шаг сухим, резким звуком. Между камнями пробивалась тонкая, почти прозрачная трава, похожая на седые нити, но её кончики были покрыты инеем, сверкавшим в редких отблесках света, будто крошечные алмазы, рассыпанные чьей-то дрожащей рукой. Густой туман стелился по земле и обволакивал босые ноги девчонки, а также цеплялся за подол её зелёного плаща, оставляя на плотной ткани тонкую корочку инея, будто хотел превратить её в часть этого зимнего безмолвия. Золотая Луна пряталась за рваными серыми облаками, будто стыдилась освещать этот мир, как и Коко, не видя смысла гореть звездой там, где не сумеет прогнать вечную ночь, и мир дальше тонул в крошечной тьме, где тени казались гуще, чем обычно, а тишина звенела, как натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего звука — даже от едва слышного вздоха.

Вдалеке, у кромки густого хвойного леса, огни мерцали по очереди и манили девчонку, блуждающую по окрестностям. Искры на стволах дрожали, пульсировали, словно живые существа, перескакивая с одних колючих веток на другие, и в их неровном свете деревья казались не просто стволами, а движущимся лабиринтом, готовым поглотить любого, кто осмелится войти в закрытое пространство. Иголки елей ти-

хо скрежетали друг о друга, будто перешёптывались, обсуждая дальнейшую судьбу Коко, застывшей на дороге. Но зеленоглазая девчонка, сняв капюшон плаща, сжала кулаки так, что побелели костяшки, и сделала шаг к оврагу. Девчонка с травянистыми волосами скользнула вниз, будто сам ветер подталкивал её вперёд, и пошла вглубь чащи за зовущими огнями, принимая вызов и догадываясь, что это может быть ловушкой.

Тем не менее Коко пробиралась за огнями, опрокидывая тяжёлые, неподвижные сучья с шапками снега, смахивая с ресниц крупницы слёз, которые тут же застывали, превращаясь в крошечные льдинки. Девчонка предполагала, что сама идёт в капкан Шляпницы. Та ждала её посреди леса, скрываясь под ветвями самой высокой и бледной бирюзовой ели. Шаманка ждала, когда жертва сама окажется в её руках. Она знала, что Коко придёт. Знала, что боль и отчаяние — самые верные проводники к тонкой границе перехода на новый виток, туда, где реальность становится податливой, как воск, а тень шепчет громче совести.

И когда Коко приблизилась к хвое, из тени выступила с приветствием фигура женщины без маски — в той же высокой шляпе с красными бусами на полях, в бордовых бархатных перчатках и серых чулках с бубенцами, тихо позвякивавшими при каждом шаге на снегу, будто отсчитывая мгновения до роковой черты ученицы знаменитого колдуна, канувшего в лету. Силуэт шаманки казался слегка размытым,

будто она общалась с Коко за пеленой старого зеркала, скрытого от обычных глаз. На её плечах и чёрной скользкой мантии лежал тонкий слой снега, плетя ледяную паутину, которая, казалось, была узором из чьих-то давних обещаний, давно забытых и покрытых пылью времени.

Шляпница с алыми губами на смуглой коже щёлкнула пальцами — и воздух вокруг них дрогнул, как вода, в которую бросили камень. Огни завертелись вокруг Коко и погрузились на глубину сугробов, восстав яркой вспышкой и окружив испугавшуюся девчонку не просто кольцом единого голубого пламени — она выстроила магический барьер вокруг них, линии которого пульсировали и металась из стороны в сторону на ветру, не позволяя заметить нахождение шаманки ближайшим опытным колдунам. Даже так Коко знала, что Олруджио вряд ли придёт на помощь. Больше никто в этом мире не встанет на её защиту.

Морозный воздух между Коко и той, что представилась Хельгой, дрожал от напряжения, искажая очертания остроконечных деревьев и превращая спящий мир в зыбкое отражение той пустоты, что поселилась в душе неудачной колдуньи. Зеленоглазая девчонка смотрела прямо на шаманку, и в её взгляде не было ни мольбы о пощаде, ни желания сбежать — только острая, звенящая решимость, смешанная с болью, которая обросла и заволокла сердце Коко шипами.

Но голубое пламя Хельги не обжигало осиротевшую девчонку, которую ей стало жалко. Оно давило и сжимало грудь

Коко, подталкивая к кареглазой женщине, протягивающей свою ладонь. Шляпница, расплываясь в хитрой улыбке алых губ, сужала площадь блокады одной силой мысли, ведь природа управления энергией шаманов совершенно отличалась от магов. И Коко жаждала её прочитать наперёд. В этом дрожащем и хищном свечении пожара вокруг них лицо юной колдуньи оказалось суровым и бледнее самого снега, а в зелёных глазах зрачки сузились до точки, и теперь в них не было места для сожалений и рефлексий.

— Ты думаешь, что знаешь, кто твой враг, но это не так, — проговорила строго Хельга, и голос её прокатился по заснеженной поляне, тяжёлый и гулкий, будто раскат далёкого грома в пустой долине. От её слов вибрировали камни под ногами, а тонкий лёд на лужах трескался с сухим, резким щелчком, словно вторя её словам, подтверждая их непреложную силу. Трещины расползались по зеркальной глади, как паутина, и в каждой из них отражался холодный свет луны, искажённый, будто мир на мгновение дрогнул.

— В клане шаманов не всё так гладко, как рассказывали в гримуарах колдунов или же гласило грубое слово обывателей. У нас есть разряды, коалиции, враги внутри одной организации. И я... готова пересечь эту верхушку. Понимаешь, детка, я хочу вернуть шаманам их суть, их истинное величие. Мы вовсе не злые волшебники. Мы трансляторы тонкого плана, его энергии и сущностей, что имеют прихоть бродить повсюду: то уходить в далёкие слои измерения, то спус-

каться на самые низы, то бишь в мир человеческий. Шаманы выступают хранителями равновесия. Мы не пачкаем руки, как это делают маги, а отдаёмся силам, что гораздо могущественнее нас. Они проходят сквозь нас, как ветер сквозь ветви, и мы становимся их голосом, их руками, их памятью.

Слова Хельги, звучавшие как приговор и как исповедь одновременно, падали в морозный воздух, тяжёлые и холодные, и разбивались о молчание непоколебимой девчонки. Шаманка шагала грациозно и неторопливо вокруг Коко, её движения были плавными, почти танцевальными, будто она чертила невидимый круг, закрепляя пространство ритуала. Коко испытывала неприязнь к тому, как женщина приглаживала её короткие травянистые волосы — этот жест казался ей унижительным, словно Хельга хотела стереть с неё последние следы прежней жизни, сделать её податливой, как воск.

Ученица стояла, не желая встречаться с жадным карим взором женщины, которая, как она верила, была причастна к гибели её наставника. Ветер трепал каштановые волосы шаманки, приобнимал Коко за плечи ледяными пальцами, но внутри юной колдуньи всё онемело, как будто тело решило защититься от боли, выключив все чувства, кроме одной ярости — горячей, упрямой, упрямой глубоко под коркой льда, который сковал её сердце. Эта ярость не пылала, а тлела, как угли под слоем снега, готовая вспыхнуть в любой миг.

В сознании беззащитной Коко снова и снова прокручивались последние мгновения рядом с Кифри: его тихий го-

лос, лёгкая улыбка на болезненно бледном лице, остывающая привязанность ко всему земному в его голубом взоре, в котором уже не было ни тревоги, ни надежды, только спокойная готовность принять то, что нельзя изменить. И каждый раз эта картина заканчивалась одинаково — серебряной корой, прорастающей сквозь кожу учителя, тонкими прожилками, оплетающими его пальцы, лицо, шею, словно сама природа хотела поглотить его, стереть из мира. А перед этой неизвестной силой Коко чувствовала себя беспомощной, крошечной, как снежинка, падающая в бездонную пропасть. Снежинки падали на её светлые ресницы, таяли и стекали тонкими дорожками, похожими на слёзы, которых она уже не могла пролить: все слёзы, казалось, замёрзли, превратившись в острые кристаллы, царапающие изнутри.

Хельга сняла шляпу и наклонилась перед Коко, и та на миг удивилась, что перед ней стоит молодая и прекрасная женщина с карими глазами, в которых читалась не жестокость, а жалость — но не унижительная, а сопереживающая, как у того, кто сам прошёл через одиночество и отвержение и знает, как оно разъедает изнутри, капля за каплей, пока не останется одна сухая оболочка, готовая рассыпаться от одного укола. Лёгкий ветерок подхватил пряди каштановых волос Хельги и накрыл Коко, словно пытаясь укрыть её от режущих крупниц снегопада, на мгновение создав хрупкий остров тишины. Хельга по-прежнему улыбалась, и в этой улыбке не было торжества, только усталость и решимость. На её

густых чёрных ресницах и широких бровях лежал иней, но он не таял — будто холод её тела был куда сильнее зимнего, глубже самой долгой ночи, способной поглотить любой свет.

Внезапно женщина озвучила девчонке предложение, от которого Коко попятилась от неожиданности назад, к подступающему огню, и чуть не перевалилась за круг, едва не нарушив границу, удерживающую реальность от распада. Пламя качнулось, будто хотело схватить её, но не обожгло — лишь обдало волной густого, тяжёлого жара, пропитанного запахом гари и древних трав.

— Стань моей ученицей, — прошептала Хельга, обвив талию зеленоглазой колдуньи и притянув её к себе, но не грубо, а бережно, словно держала в руках хрупкое стекло, готовое треснуть от любого резкого движения. Её голос звучал теперь почти вплотную к лицу Коко, тихий, но такой же непреклонный, как ледяной покров на озере. — У тебя есть шанс спасти Кифри. Не так, как привыкли сражаться маги — не силой заклинаний, не чертежами линий, а слиянием с энергией, знанием и проникновением в само логово Шляпников. Я догадываюсь, как снять проклятие обращения человека в серебряное дерево. Но для этого ты должна стать одной из нас. Ты должна научиться видеть мир иначе и понять, что истина гораздо ближе, чем кажется. Видеть ту грань, где встречаются тьма и свет, и уметь запира́ть и открывать эти двери.

Когда Хельга отстранилась от Коко и повернула ключ, прошедший сквозь ель и вставший в замок врат между про-

странствами, воздух вокруг них дрогнул, как вода, в которую бросили камень. Деревья на мгновение стали прозрачными, сквозь их стволы проступили очертания других миров — тёмных, мерцающих, полных теней и шёпотов. Шаманка протянула ей руку, облачённую в бордовую перчатку, приятную на ощупь, плотную, будто сшитую из сумерек. В сомнительности этого приглашения Коко застыла, чувствуя, как время замедляется, растягиваясь, как тонкая нить, готовая порваться. Возможно, это был единственный способ спасти Кифри. Ей ничего не оставалось, кроме как войти в темноту и познать в ней свой свет, который не виден снаружи, — свет, рождающийся из самой тьмы, из её глубины и тайны.

На чёрной бумаге договора вспыхнули руны, излучая тусклое, болезненное свечение, похожее на отблеск далёких молний, разрывающих ночное небо. Они пульсировали, как живые, вычерчивая на поверхности древние знаки, каждый из которых был словно отпечаток чьей-то судьбы. Жар от рукопожатия поднялся по руке зеленоглазой девчонки, добрался до плеча, скользнул к сердцу и сжал его, раздирая все шипы, что легли на её сердце: ведь шаман должен быть освобождён от земных вещей, общественных правил и собственных чувств, становясь чистым сосудом для воплощения силы в человеческом теле. Холод и жар сплелись в её груди, заставляя кровь бежать быстрее, а мысли — становиться яснее, острее, как лезвие ножа, заточенного на льду.

Таким образом, Хельга вынудила Коко отказаться от од-

ной из её четырёх душ — той, что хранила воспоминания, той, что привязывала к прошлому, к людям, к надеждам. Шаманка не забрала её грубо, а осторожно вынула, как вынимают занозу, чтобы рана могла зажить. И в освободившееся место она постелила ту душу, которую могла бы прибегнуть для себя, но щедро отдала этой неказистой колдунье, которая, по преданию, должна была стать сильнейшей шаманкой. Эта душа была древней, тяжёлой, наполненной памятью ветров и шёпотом звёзд, и она легла в Коко, как ключ в замок, идеально совпав с её пустотой.

Мир вокруг качнулся, и на мгновение Коко увидела то, что было скрыто: тонкие нити, связывающие всё живое, мерцающие линии силы, бегущие по земле, по деревьям, по воздуху, сплетающиеся в узоры, которые раньше были для неё невидимы. Она почувствовала, как её собственное тело становится проводником, как сквозь неё течёт что-то огромное и древнее, и поняла, что обратной дороги больше нет. Она сделала шаг в новый мир — и снег под её ногами потемнел, будто впитал в себя часть её прежней сущности, а затем снова покрылся тонкой коркой льда, запечатывая этот переход.

Договор заключался не чернилами — он заключался на духовном уровне, скреплённый сокровенным намерением.

Воздух вокруг Коко и Хельги задрожал, искажая очертания заснеженного хвойного леса. Казалось, сама реальность не хотела принимать этот союз: она будто сопротивлялась, вздрагивая тонкими волнами, но в конце концов бы-

ла вынуждена уступить перед непреклонной волей шаманки. Хельга погрузила девчонку в своё рукотворное пространство — отшельнический уголок между реальностью и фантазией, где привычные законы мира теряли силу, а время текло иначе.

В обмен на знания Коко обязалась помогать Хельге проникать внутрь секты Шляпников, срывать их замыслы, становиться их тенью — незаметной и смертоносной. Она должна была скользить между их планами, как нож скользит сквозь порывы ветра, не оставляя ни следа, ни намёка на своё присутствие.

И Коко согласилась. Не потому, что поверила словам шаманки, а потому, что у неё не осталось ничего, кроме желания отомстить и вернуть то, что было отнято. В этот миг её душа, казалось, откололась от прежней Коко, от её тела, и на мгновение воспарила, лёгкая и свободная, будто готовая улететь прочь от всей этой боли. Но Хельга бережно, почти нежно, запечатала её в хрустальном изумрудном шаре и убрала в карман своей широкой мантии — её внутренняя подкладка отливала глубоким бордовым оттенком, словно впитала в себя отсветы далёких костров.

Оставляя позади всё, что прежде связывало её с миром магов, Коко на миг задержала дыхание, отпустила ладонь шаманки и сделала шаг навстречу порталу. Её согласие прозвучало твёрдо и необратимо — в нём не было ни дрожи, ни сомнений. Но едва она шагнула вперёд, силы покинули

её: тело обмякло, и она упала в руки Хельги, уже не в силах контролировать ни движения, ни мысли. Сознание угасло, погружая Коко в глубокий, бездонный сон.

Ритуал свершался в алом шатре — в той самой точке мира, где реальность истончалась, словно прожжённая ткань, и сквозь прорехи проглядывали иные измерения. Мрак здесь не был просто отсутствием света — он был живой, густой, маслянистый, оседал на коже гостыи липкой пеленой, глушил дыхание и делал каждый вдох тяжёлым, будто воздух наливался свинцом. Лишь пламя ритуального костра жило своей отдельной, хищной жизнью: оно рычало, извивалось, выплёвывало искры, как злые зубы, и отбрасывало на стены шатра пляшущие тени, похожие на сотни зверей. В этом багряном полумраке пританцовывающая с маленьким звенящим бубном в руках Хельга двигалась с пугающей, отточенной грацией — то растворяясь в тенях, то вспыхивая в отсветах огня. Её облик менялся, как меняется отражение в потревоженной воде: то она была юной красавицей с гордой осанкой и взглядом, в котором плескалась буря, то вдруг становилась древней старухой, чьи глаза хранили память веков. Казалось, само время плавилось вокруг неё, не в силах удержать одну-единственную форму.

Шаманка ворожила над Коко — над девчонкой с волосами и глазами, зелёными, как трава под рассветными росами. Каждое движение Хельги было не просто жестом, а древним танцем силы: пальцы скользили по воздуху над макушкой

ученицы, вычерчивая невидимые линии рунического кода. Губы шептали слова на забытом языке, и внутри шатра мгновения растягивались в часы, а часы сжимались в один резкий, обжигающий вдох во время произношения мантр. Вокруг Коко сплетались алые нити — они обвивали её запястья, лодыжки, шею, словно проверяя, выдержит ли она это расщепление душ и соприкосновение их с вечностью.

И тогда девчонка осознала, что посвящение не было изящным обрядом из сказок — это была суровая инициация, где знание покупалось болью, над которой она превозмогала благодаря тета-состоянию. В традициях многих народов переход в статус шамана сопровождался испытаниями: огнём, холодом, голодом, изоляцией — как способом очистить сознание и подготовить дух к встрече с иными мирами. Именно такой путь избрала Хельга: беспощадный, в какой-то степени опасный, но, по её убеждению, единственно верный.

Коко старуха заставила танцевать на углях всю ночь, чтобы стать одним целым с огнём и вобрать силу пепла над землёй. И, кажется, это зрелище приносило ей удовольствие — отчего шаманка постукивала по барабанам интенсивнее, невзирая на шипение, стоны и усталость ученицы. Пламя лизало её ступни, кожа лопалась, волдыри вздувались и лопались, кровь смешивалась с чернотой угля, образуя на ногах тёмные узоры. Но со временем Коко перестала чувствовать боль — оставалось лишь ощущение очищения, которое разрасталось, заполняя каждую клеточку тела, вытесняя

болезненные воспоминания, запуганные чувства, саму суть её прежнего «я». Эта пустота была пространством, которое должно было наполниться новой сутью. Образ этой сути Коко нашла, раскинув руки над огнём и скинув тёмную мантию колдуньи с изумрудными отблесками, как змея старую кожу.

Затем, оттащив уставшую Коко от костра, Хельга уложила её себе на колени и начала готовить смесь: кровь девчонки она должна была соединить с чернилами — густыми, тёмно-синими, пахнущими железом и чем-то древним, словно в них хранились забытые заклятия магов. Пальцы Хельги вдруг стали когтистыми, гибкими и способными одним ногтем сделать надрез на коже обмякшей руки девчонки, которая пока ещё оставалась в сознании. Коко мерещилось, что пролитая ею кровь окрашивала стены и парящие ткани шатра. Воздух был пропитан дымом благовоний — сладким, дурманящим, с горькой нотой полыни и можжевельника. Поверх этого на полу лежал морозный, металлический привкус зимы — будто сквозь щели шатра просачивалась сама стужа, желая стать частью ритуала.

Теперь Коко видела истинную сущность нависающей над ней Хельги: изборождённое морщинами лицо, тусклые карие глаза, устремлённые на то, как алые капли ударялись о поверхность чернил, растворялись в них, приобретая фиолетовый оттенок. С каждым ударом что-то внутри Коко щёлкало, словно закрывался замок, отрезая путь к прежней жизни. Умирала слепая вера в чудеса, инфантильность и убеж-

дение, что добро всегда побеждает зло. Девчонка позволила этому уйти, потому что верила: с этой серьёзностью она станет сильнее и сможет выдержать то, что ей предстояло исполнить.

Снаружи, за стенами шатра, ветер выл, швыряя в ткань уже не снежную крупу, а песок бескрайней пустыни. И постепенно наступила тишина — глубокая, звенящая, будто весь мир для Коко замер и затаил дыхание. Проснувшись, девчонка обнаружила себя в другом шатре — обычном, бежевом, из грубой ткани, выгоревшей на солнце. Вокруг простиралась пустыня: ровная, бескрайняя, залитая сиреневыми сумерками и алым маревом рассвета без главного светила на горизонте.

Старуха Хельга сидела напротив, у входа, и выглядела совсем иначе. Здесь, у себя дома, она больше не носила лики роскоши и страсти. Её молодая форма словно растворилась, уступив место настоящей и мудрой душе: перед Коко сидела старуха в коричневом этническом костюме и серой шубе — с глубокими морщинами на таком же смуглом лице, сгорбленной спиной и руками, узловатыми, как корни старого дерева. Она спокойно разливала травяной отвар в глиняные пиалы, и в этом будничном жесте таилось гостеприимство хозяйки.

— Теперь ты видишь меня настоящую, — тихо сказала Хельга, не поднимая глаз. — Здесь мне можно быть просто старой женщиной, которая помнит слишком много и устала от этого.

Коко медленно присела на тонком одеяле поверх расстеленного ковра, оглядывая себя: расшитое изумрудное платье под чёрной полупрозрачной короткой накидкой с широкими и длинными рукавами, браслеты с бубенцами на ногах и золотистыми обручами на запястьях, ожерелья из белых, чёрных и малахитовых бусин на чёрной кожаной нити, медальон с начертанным руническим кодом — привычным для колдуньи заклинанием. Ощущая, как песок шуршит под руками, как горячий воздух касается кожи, Коко обнаружила, что её ступни были целы — ни ожогов, ни шрамов, ни волдырей. А внутри всё беспокойство растворилось. В этот момент девочка, отказавшаяся от мечты стать колдуньей, почувствовала, как внутри неё что-то окончательно встало на место. Она больше не искала лёгких путей. Она приняла тяжесть, которую ей предстояло нести, и не собиралась уворачиваться от судьбы.

Среди грубых шкур зверей, вязок сухих перьев, тусклых бусин и странных инструментов, чьи изгибы и грани будто хранили отголоски чужих криков, пространство шатра выглядело почти будничным — как мастерская старого ремесленника. Коко с трудом разлепила веки — будто ресницы склеились от слёз, которых она не помнила. Тело ломило, но ощущалось лёгким. Удивительнее всего было то, что мир для Коко стал серым и плоским, как старая фотография, где краски выцвели, а детали размылись, оставив лишь общие контуры. При этом она различала духов и безобидных сущ-

ностей, приобретших облик котов: они витали по шатру и капризно царапали ковры в убежище шаманки Хельги, угощавшей каждого пищей подношения — так же, как и саму Коко.

Однако любопытная натура зеленоглазой ученицы всё же пробилась сквозь пелену оцепенения, как тонкий росток сквозь слой льда. Пустыня встретила её не просто пустотой, а белой пустошью, преисполненной звенящего, почти священного покоя. Пространство простиралось до самого горизонта, где небо сливалось с землёй в единую унылую линию, стирающую границы между ними: не было ни края, ни начала, ни конца — только бесконечность, равнодушная и величественная.

Песок здесь был странным — не золотистым, как в тёплых пустынях, а белёсым, будто припорошённым инеем, и под босыми ногами он ощущался так же холодно, как рассыпчатый снег. Он скрипел едва слышно, словно шептал какие-то забытые слова, которые никто уже не умел распознавать. Гуляющий ветер поднимал мелкую серебряную пыль — она кружилась в воздухе, завихряясь в миниатюрных смерчах, и оседала на одежде и волосах Коко, словно пепел сожжённого прошлого, настойчиво прилипая к каждому волокну ткани, к каждой пряди. Девчонка с лёгкостью стряхнула его с себя.

Хельга по-прежнему сидела на плоском сером камне — он был таким же безликим, как и всё вокруг, будто специально подобран, чтобы не отвлекать взгляд ни на что лиш-

нее. Шаманка что-то жевала неторопливо, размеренно и не обращала на Коко внимания, будто та была не ученицей, а таким же своенравным духом, одним из тех, что бродят по пустошам от скуки и в поисках жизни. От этого равнодушия внутри у Коко мелькала тревога: она привыкла к радушию и вовлечённости Кифри, к его горящим глазам, когда он объяснял тонкости магии, к тому, как замечал каждую её ошибку и тут же мягко поправлял, будто оберегал её от самой себя. Здесь же никто не торопил, не требовал, не судил. Наоборот — Коко заставляли ошибаться. И в этом странном отсутствии ожиданий было одновременно тяжело и удивительно свободно: будто с неё сняли панцирь, и теперь она чувствовала, что быть уязвимой — не плохо.

— Прошли сутки, — подумала девчонка, и мысль эта была далёкой, как эхо из другой жизни, приглушённое расстоянием и временем.

— А ведь я могла бы... могла бы отмотать время и договориться с Хельгой до того, как она ускорит рост его проклятия. Вот только сжалилась бы над ней шаманка так же? И допустил бы подобное Кифри, оставшись человеком? Разумеется, нет. Всё случилось так, как должно было произойти. Спасти его таким способом значило продлить страдания и проклятие, а Кифри выбрал безмятежный покой, даже если он означал смерть.

Пока Коко стояла, пытаясь собрать себя по осколкам, к ней бесшумно подкрались сущности в облике пушистых

лунных белоснежных котов — почти невесомых, с голубыми глазами, в которых отражался тусклый свет. Они запрыгнули девчонке на хрупкие плечи и настойчиво оставили перед ней передачку от Хельги: чёрную шляпу с изумрудными бусами в форме капель на концах нитей и полупрозрачную маску с начертанным руническим кодом — линии на ней мерцали, словно живая вышивка. Коко спрятала за ними свой стыдливый взор, словно эти предметы могли укрыть ту часть души, которая ещё сопротивлялась переменам.

Девчонка наклонилась к бирюзово-гладкой поверхности оазиса, ближайшего к шатру, — к воде, застывшей, как стекло, в чаше из пустыни, рядом с которой стояло засохшее дерево. В том отражении Коко увидела незнакомку. Она не узнала себя — и это было страшнее любой потери. Бусины на шее были холодными и весомыми, они тянули вниз, напоминая о тяжёлом грузе новых обязанностей, о добровольном служении Шляпникам, о долге перед Хельгой, отнесшейся к ней с неожиданным пониманием, и о тоске по дням в тёплом и уютном ателье профессора Кифри.

Коко натянула поля чёрной шляпы вниз, стараясь спрятать лицо, зная, что учитель разочаровался бы в ней, увидев эти одеяния и атрибуты. Тошнота подкатила к горлу — горькая, едкая, как пепел, оседающий на языке. Девчонка обхватила себя руками на берегу озера, будто пыталась удержать то, что рассыпалось изнутри, не дать своей сути превратиться в пыль, которую унесёт первый же порыв ветра. Она по-

обещала Кифри, что не даст своему свету угаснуть. Пообещала жить дальше. Проведя рукой по бусам, Коко перебирала их пальцами, не имея воли дёрнуть и разорвать, чувствуя, как сердце всё ещё ускоренно отбивало ритм, отзываясь на возвращение, к неизгладимому ужасу, того проваленного экзамена.

Замечая тревогу ученицы, появившаяся из пустоты возле оазиса Хельга незаметно подошла к Коко и заставила её признать, что между ней и Кифри есть особая связь, которую не разорвать, не осквернить и не нужно пытаться забывать: по духу они были родны, сражались за одну и ту же справедливость, видели перспективы там, где другие видели лишь стены, и были одинаково заморожены магией — не как инструментом, а как откровением. И поэтому есть вероятность того, что у них получится вернуть ему жизнь, в которой он мог бы испытывать счастье всецело.

Слова язвительной шаманки упали в душу Коко и не разбились, а растворились, оставив после себя странное, горькое воодушевление — похожее на искру, вспыхнувшую в темноте.

— Верно, я покажу ему другую жизнь, — прошептала серьёзная шаманка, и её голос прозвучал чужим, как будто кто-то другой в ней заговорил — с азартом, с жадой заполучить власть над Шляпниками, с уверенностью, которой у неё никогда не было раньше. Пар от дыхания на мгновение окутал лицо Коко за тонкой вуалью маски и тут же рассеял-

ся, растворяясь в морозном воздухе, будто и не было никакого слова, никакого обещания — только тишина и холод.

Но прежней колдуньи больше не было. Та, что верила в чудеса, осталась лежать в холодном снегу у подножия гигантского проклятого дерева, и ветер развеял её слёзы, превратив их в изумрудные камешки, осевшие на чёрной шляпе с широкими полями. В сознании Коко поселилась новая цель — победить любой ценой. Тёмная, всепоглощающая магия, которую она получила от шаманов, была лишь инструментом на этом пути. Она стала тем, кого когда-то поклялась уничтожить. И в этом была самая страшная жертва Коко — отказаться от ценностей и правил, которые Кифри вложил в неё, как семена в плодородную почву, надеясь, что они дадут хорошие всходы.

Старуха Хельга, выпустив табак из трубки алыми губами на смуглом лице, усмехнулась, наблюдая за настроением ученицы. Её глаза, глубокие и тёмные, как колодцы, видели больше, чем Коко хотела скрыть от недавней противницы, ставшей причиной крепкого сна Кифри. Но шаманка видела, как в пустых зелёных глазах девочки разгорается нечто более страшное, чем тьма, — смелость, способная сжечь дотла и её саму, и весь мир, если понадобится. Хельга знала, что путь Коко на стороне врагов не будет лёгким. Но ей было всё равно. Ей нужна была эта ярость, чтобы наследница дара шаманов была готова идти до конца, даже если конец окажется не стоящим того, ради чего Коко ступила на тропу войны.

Шляпница лишь проводила взглядом девчонку, уходящую в даль серых и бесконечных пустынь, чтобы побыть наедине со своими мыслями. Ветер шевелил полы её мантии, поднимал снежную пыль, и она кружилась вокруг, словно пытаясь удержать Коко, не дать ей уйти в эту холодную бесконечность. Но Коко шла вперёд, не оглядываясь. Теперь её чувства сидели под замком и спрятались ото всех, даже от неё самой. Но в этом эфирном пространстве, которое открывалось миниатюрными ключами в различных секретных предметах, эта бесконечность умиротворяла её и заставляла задуматься над смыслом вражды магов и шаманов, что тянулась веками, сплетаясь в сложный узор из обид, клятв и забытых обещаний.

Здесь, где не было ни надежды, ни страха, ни света, ни тьмы — только бескрайняя белая пустыня, юная шаманка искала свой путь, который станет верным только в её глазах, без поиска одобрения. Путь, который либо приведёт её обратно к оставленной возле того дерева с серебристой листвою жажде светить для Кифри, либо окончательно поглотит, оставив лишь необходимость мстить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.